

Зулали		8
Салон красоты «Пери»		68
Любовь		142
Марлезон		155
В краю победивших старушек		169
Птичий Поильник		189
Бегония		207
Тифлинг		225
Дама с собачкой		249
Люди нашего двора		265

Наринэ Аўгарян

Людзі
нашага
двора

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
А13

Серия «Одобрено РУНЕТОМ. Подарочное»

Художественное оформление
и иллюстрации: *Юлия Межова*

Абгарян, Наринэ Юрьевна

А13 Люди нашего двора / Наринэ Абгарян. – Москва : Издательство АСТ, 2022. – 285, [1] с. – (Серия «Одобрено РУНЕТОМ. Подарочное»).

ISBN 978-5-17-134725-3

Эта книга о горьком и смешном мире людей, которые живут, не замечая времени. Людей, которые не боятся летать и умеют найти забавное даже в трагичном. Мир стариков и детей, взрослых и тех, кто утратил веру, но не отчаялся. Мир людей, навсегда застрявших в том измерении, где когда-нибудь обязательно исполняются мечты.

© Наринэ Абгарян, 2016
© Юлия Межова, иллюстрации, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

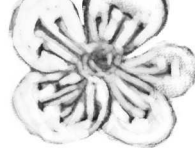

Зулали

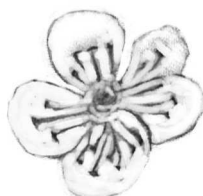

*Инне Александровне Шпольской —
с нежностью и благодарностью*

1

Если спросить у Зулали, какое нынче время года, она отвечает, ничуть не сомневаясь: «Весна». Мамида ворчит, что Зулали потому и такая, что у нее всегда весна.

— Другие уже облетают листьями, а наша еще даже подснежников не набрала, — цокает она языком.

У Маமிды широкая мужская спина и такие руки, что иной раз остерегаешься подойти — а вдруг она тебя нечаянно ими заденет. Костей ведь тогда не соберешь. Мамида ступает медленно, вразвалочку, вперив правый кулак

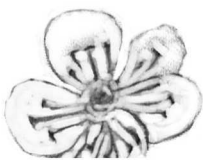

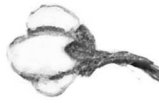
Наринэ Абгарян

в бок, левая рука качается, словно маятник, юбка топорщится оборками на большом животе, Мамида отчего-то решила, что чем больше на одежде складок, тем меньше видно полноты. Полнота у нее такая, что порой удивляешься, как у нее получается так ловко при своих размерах двигаться.

Мамиде столько лет, что не сосчитать. Она громкая и хлопотливая, а еще — терпеливая, хотя вывести ее из себя раз плюнуть. А еще она очень не любит, когда ее отрывают от теста. «Тесто — это все!» — приговаривает Мамида, разминая огромный, размером с колесо телеги ком своими большими руками. «Это все» в ее понимании означает действительно все, начиная с «не отвлекай, если не хочешь схлопотать на свою голову проблем», и заканчивая «ничего важнее этого в мире нет».

Зулали сидит на краешке стула, выпрямив спину, мнет крохотный кусочек теста на самом углу стола. У Зулали высокий лоб, длинный узкий нос и тонкие губы. Она похожа на Анну Бретонскую, портрет которой стоит на комодке в комнате деда. Если сделать ей пробор посередке, а волосы спрятать под накидку, получится вылитая Анна Бретонская. У Зулали такое красивое лицо, что можно смотреть бесконечно. Жаль, что эта красота исчезает ровно в тот миг, когда она открывает рот. Говорит она плохо, неряшливо, закатывая глаза и дергаясь лицом, к тому же не произносит большую часть звуков, потому приходится сильно напрягаться, чтобы понять, что она хочет до тебя донести. По большому счету, кроме десятка звуков, Зулали не может сказать ничего. Потому «хорошо» в ее исполнении звучит как «оошо», а весна — «ена».

Зулали

— Лучше бы ты онемела, зато соображала, — иногда заявляет Мамида. Она всегда очень искренна в своих пожеланиях, потому если говорит, что лучше бы Зулали онемела, то так и думает.

Зулали замирает с открытым ртом.

— Закрой рот, а то муха залетит! — Мамида щедро припорошивает деревянное корыто мукой, перекладывает туда тесто, накрывает чистым льняным полотенцем.

Зулали мелко смеется, прикрыв рот ладонью. Мамида смотрит на нее так, словно прикидывает в уме — стоит в очередной раз напоминать о том, что смеяться, мелко трясаясь, как овца на ветру, женщине ее возраста не пристало. Потом она вздыхает и, так ничего и не сказав, уходит мыть руки. Выцветшие половицы жалобно скрипят под ее тяжелыми шагами, туфли она носит большие, мужские, женской обуви на ее ногу не достать. Одно время ей шили на заказ в обувной мастерской, но потом она рассорилась с сапожником вдрызг и никогда больше не переступала порог его дома.

— Посмотрим, где ты будешь обувь покупать! — кричал он ей вслеп, потирая ушибленное плечо — это Мамида, выходя, подвинула его так, что сапожник вписался головой и плечом в стену. Голове ничего, а плечо потом долго болело.

С того дня Мамида носит мужскую обувь; женскую, сшитую в мастерской, она в тот же день отправила со мной обратно. Вымыла, аккуратно обсушила, натерла топленным гусиным жиром, завернула каждую туфлю в обрывок вошеной бумаги, уложила рядками в сумку. Сверху водрузила бутылку виноградного уксуса. Велела отнести и оставить на пороге обувной.

Наринэ Абгарян

– А укус зачем? – полюбопытствовал я.

– Чтоб выпил и сдох!

Судя по тому, что сапожник до сих пор здоровствует, укус он пить не стал. Куда туфли Мамиды девал – не знаю. Я поздоровался, оставил сумку на пороге мастерской и ушел. Страшно подмывало спросить, из-за чего они поссорились, аж до чесотки в лопатках подмывало, но я не стал – Мамида бы в жизни меня не простила, если бы узнала, что я заговорил с сапожником.

Дождавшись, когда она выйдет из комнаты, Зулали поднимает край льняного полотенца, кладет на тесто комочек своего, который долго мяла в руках. Ее тесто цветом темнее, чем то, которое месила Мамида.

– Ты снова плохо вымыла руки! – закатываю глаза я.

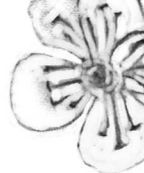
Зулали смеется. На подбородке у нее крошки засохшего теста. Я вытаскиваю из кармана дедов платок, протираю ей лицо. Убираю платок обратно, предварительно тщательно отряхнув и сложив в несколько раз.

– Пойдем, я помогу тебе вымыть руки, – говорю я.

Зулали поднимается со стула, она молчит, потому лицо у нее снова такое красивое, что хочется смотреть и смотреть – большие глаза, тонкий длинный нос, высокий лоб. Волосы у Зулали темные, но на солнце переливаются рыжиной. За эту рыжину я ее особенно люблю, у деда была ровно такая же рыжина – в бороде и даже в бровях, а волосы у него были седые и густые, можно было пальцами запутаться. Волосы деда пахли старостью и табаком.

Мамида как раз закончила мыть руки и залила в ручной мойник новую порцию воды. С того дня, как деда не стало, с водопроводом что-то неладно, он то действует, то нет.

Зулали

Мастер, которого мы вызвали, проверил все и развел руками — не могу понять, что тут не так, вроде поломки нет, засора тоже.

Мамида выставила его из дому и вызвала другого мастера, которого тоже потом выставила за порог. Больше она никого не вызывала, сходила к соседке и выпросила старый ручноймойник, который без дела пылился на чердаке. Мы хорошенько натерли его речным песком и золой, и он стал почти как новый. Потом мы с Мамидой долго ходили по двору, выбирая место, куда можно его повесить. В итоге приблизились к подпорке веранды, на такой высоте, чтобы мне можно было мыть руки, не вставая на цыпочки, иначе вода потечет по локтям прямо в подмышки. Ручноймойник очень красивый — большой, медный, с ходящим вверх-вниз стержнем и съемной крышкой, куда нужно заливать воду — ровно два с половиной кувшина.

Мамида отошла в сторону, полюбовалась, как бликует солнечный луч на выпуклом боку ручноймойника.

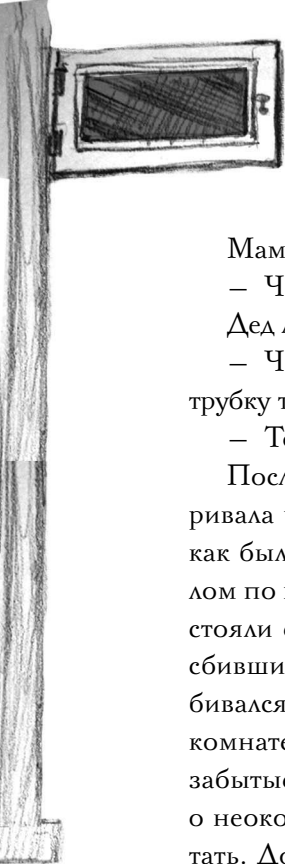
— Сияет, как у слона яйца, — удовлетворенно сказала она.

Я захихикал. Мамида шутит так, что живот можно от смеха надорвать. Дед в ней больше всего это и любил. Так и говорил — если бы не твои шутки, я б давно тебя из дому выгнал. Мамида фыркала: «Ты-то!» — и смотрела на него так, будто дед — это мошка, а она — мухобойка. «А что? — хорохорился дед, он всегда хорохорился, когда препирался с Мамидой. — А что? Или не я в этом доме хозяин?»

Мамида молча складывала большие руки на своей большой груди. Смотрела исподлобья. Шумно вздыхала.

— Ну чего ты? — беспокоился дед. — Я же пошутил.

Мамида еще раз шумно вздыхала:

– Что бы вы без меня делали!

Дед лез в карман – за трубкой.

– Что бы мы без тебя делали! – приговаривал, набивая трубку табаком. – Что-бы-мы-без-тебя-делали!

– То-то, – хмыкала Мамида.

После похорон деда она три дня ни с кем не разговаривала и ничего по дому не делала. Лежала в его постели как была, в траурном платье и платке, накрывшись одеялом по подбородок, и смотрела в потолок. В углу комнаты стояли ее истоптанные туфли – съехавшие набок пятки, сбившиеся стельки. Сквозь глухо задвинутые шторы пробивался одинокий солнечный луч, он медленно полз по комнате, спотыкаясь то о край домотканого паласа, то о забытые на тумбочке четки с обломанным крестиком, то о неоконченный толстенный том – дед всегда любил читать. До Мамиды солнечный луч не добирался, шарил по краю тахты и, скользя по простыне, угасал, словно его и не было. Мы с Зулали много раз на дню навевались к ней – приносили поесть и попить, сидели рядом, я плакал, Зулали улыбалась, Мамида молчала. К еде она так и не притронулась, поднялась только на четвертый день и вернулась к домашним делам.

Поскольку вода у нас теперь с переборами, Мамида набирает ее про запас, одну часть оставляет для питья и готовки, другую – для хозяйственных нужд. Я отвечаю за поливку огорода, а потому каждый вечер убираю крышки стоящих под водостоками дождевых бочек на случай, если пойдет дождь, а утром накрываю бочки обратно, чтобы солнце не выпарило воду. Остальную работу по дому

